

Залюбил е млади Камен
Цена хубавица,
и за Цена се милее
негова душица.

Но не че тя има наниз,
скъпи огърлици,
свила ръбени сукмани,
три върви жълтици.

Не че Цена е прочута
и кметова щерка,
и че бащино й имане
няма брой, ни мерка;

но че тя е паметлива
и добра в сърцето,
и защото има очи
сини кат небето;

и че злато той ще има,
кат работи честно –
дор е челяк млад и здрав,
всичкото е лесно.

Но невеста който търси –
харно да се взира,
че веднъжка челяк либи
и веднъж избира.

И Цена е либе свое
Камена избрала.
Нему първен от глава си
цвете е подала.

Крепко любит юный Камен
красавицу Цену,
ей он сердцем и душою
верен неизменно.

Не за яркое монисто
и убор богатый,
не за то, что носит Цена
в три ряда дукаты,

Не за то, что всюду знают Цену
– дочку кмета,
и отца ее богатству
меры-счету нету, –

а за ум ее, за сердце,
доброе такое,
и за то, что очи Цены –
небо голубое.

Что добро! Работой честной
добро наживется;
если ты здоров и молод –
все легко дается.

Но пригожую невесту
надо человеку
меж других избрав однажды.
Полюбить довеку.

Так и Камена избрала
Цена, полюбила;
из венка цветок впервые
ему подарила.

На тлъки и по седенки
двамата се срящат,
по празници на хорото
един с друг се фащат.

И на извора студени,
с менци кат отива,
тя го види, че я чака
вода й да напива.

Утром, къде изгрев-слънце,
там ще го намери,
по вечеря той я чака –
от любов трепери.

По котлите й, като дрънкат,
че е тя угажда,
по гласът я той разбира,
по стъпките сяща...

Любов – тая сладка мъка,
кой не е я пащал?
Нейни радости и пламен
кой не е усящал?

Кое младо, кое живо
тъй не е любило?
Чие сърце в гърди жежки
силно не е било,

кога либето да дойде
часът приближавал,
и всяк един шум душата
стряскал и смущавал:

и вятърът слаб, що вее,
и листът, що шъпне,
и гадинката, що мърда, –
правяли да тръпне!

В любов, песни и въздишки
дните им минуват,
заран, вечер не делят се,
ноще се сънуват.

Посиделки да гулянки –
парочка на месте.
Хоровод кружится в празник –
пляшут они вместе.

Цена с ведрата приходит –
ждет он у криницы,
чтоб попить из полных ведер
ключевой водицы.

Там он, лишь зажжется утра
зорька золотая;
ждет ее и на закате,
от любви сгорая.

Звон ее веселых ведер
Камен различает,
по шагам ее, по смеху
издали узнает.

Кто ж не знал любовной муки!
Кто – хотя б однажды –
не испытывал бы вспышки
этой жаркой жажды!

Кто же в годы молодые
не влюблялся тоже!
Чье в груди горячей сердце
не знавало дрожи.

Когда миг прихода милой
время приближало
и малейшее движенье
душу волновало!

Ветерок повеет, листьев
шопот донесется,
зашуршит трава – и тотчас
сердце встрепенется...

Встречи, песни, вздохи – в этом
дни у них проходят.
И друг с друга в сновиденьях
глаз они не сводят.

И не вярват, че в живота
има и зла среща,
и че злото ще отрови
ясна им надежда.

* * *

А богат е Ценин баща,
богат и имотен:
брави има две хиляди
и коне петстотин.

Нивята му, лозята му
мъчно се измират,
горите му не се знае
доде се простират.

Има злато много – йоще
има да сдобие –
царски данък – пот сюрмашки
наполвина крие.

Той, казуват, бил приятел,
с люти Пашаджика –
кога идвал му на гости –
черпял го с мастика.

И богат е Цеко много –
другар на хайдуци –
има челяд многобройна:
деца, снахи, внуци.

Всякой тачи го, че той е
кмет и чорбаджия;
до година, живот да е,
ще стане хаджия.

Всякой на крака му става,
кога заминува,
а псувните зад гърба си
Цеко ги не чува...

Им не верится, что в жизни
и беда бывает,
и что светлые надежды
лихо отравляет.

* * *

А богат же Ценин батька, –
где таких найдете?
До двух тысяч – стадо в поле,
и коней пять сотен.

Виноградники и нивы
глаз не измеряет;
где лесов его граница –
он и сам не знает.

Много золота у Цеко:
с гнущих в поте спину
дань султану собирая,
прячет половину.

Говорят, он водит дружбу
с лютым Пашаджиком;
если тот приходит в гости –
потчует мастикой.

Друг разбойников – и сам он
искушен в злодействе...
Многочисленно и шумно
у него семейство.

Каждый встречный почитает
кмета - богатея.
Будет жив – он стать хаджией
через год сумеет.

Каждый при его приходе
встанет, встрепенется;
а на ругань за спиною
кмет не обернется.

И не ще той за щерка му
Камен да се блазни,
хорски думи го ядосват
и слухове разни.

„Тоя пъси син проклети,
дига яд в сърце ми:
нивга Цековата щерка
няма той да вземе!

Срам ми иде, щом помисля...
Не може да бъде!“
Тъй си дума Цеко стари
и щерка си съди:

„Мари Цено, лудетино,
мари луда дъще,
я послушай що се бърби
по хорските къщи!

Стига си ти по седемките
с Камена бесняла,
заран, вечер на извора
със него гълчала,

Че той не е мъж за тебе,
и мен не приляга –
че е Камен сурмах-просяк,
гол като тояга.

Камен няма в мойта къща
зет да се натика,
дор татко ти на свет ходи
и Цеко се вика!“

* * *

Тъжи Цена синеока
и често въздъхва,
радостта и във сърцето
взе веч да заглъхва.

И не хочет он, чтоб дочка
с Каменом любилась.
От людских речей и толков
спесь его взъярилась.

«Этот сучий сын проклятый
в сердце злобу будит.
Никогда для дочки Цеко
мужем он не будет!

Мысль об этом в жар бросает...
Быть того не может!» –
Рассуждает старый Цеко
и бедняжку гложет:

«Цена, глупая дивчина,
не с ума ль сошла ты?
Ты послушай-ка, что люди
гомонят по хатам.

Вдоволь ты на посиделках
с Каменом чудила.
Спозаранку у колодца
речи заводила.

Он не гож тебе – родниться
нам ли с бедняками?
Гол, как липка, этот нищий,
голоштаный Камен!

Не войдет он в дом мой зятем
до скончания века,
пока жив еще отец твой
и зовется Цеко!»

* * *

Как тут быть голубоглазой?
Тужит и вздыхает...
Грусть и горе в бедном сердце
радость заглушают.

Не я пушат на извора
за вода да иде,
както други път не смее
Камена да види;

Не смей с него на хорото
редом да се фане,
нито с Камена на пътя
сама да остане,

Че я страх от бащин поглед,
Цеко зле се кани:
и за него и за нея
лошо ще да стане.

А пък Камен се учудва,
душа му се стяга;
що е Цена тъй сърдита,
що от него бяга.

На извора я запитва,
на хорото следва,
а тя нищо не отвърща,
бегом го погледва.

Тежко става на сърце му,
ще му се да плаче,
момите го пък задяват,
че тя го не рачи...

Кахъри се като гледа,
майчица му стара:
„Не грижи се, синко мили,
туй ще се прекара.

Цена щерка е богатска,
прилика не е ти.
Здраве да е, има йоще
моми по-напети.

Залиби ти друга, синко,
дето да те либи,
ти невеста избери си
из нашите колиби.“

Велено ей, чтоб к колодцу
больше не ходила,
и не смеет, как бывало,
повстречаться с милым.

И нельзя ей в хороводе
рядом с ним кружиться,
и нельзя ей на дороге
с ним остановиться.

Смотрит Цеко грозным взглядом
и грозитя люто,
что и с ним и с нею, дескать,
расправится круто.

А у Камена изныло
сердце от тревоги:
отчего сурова Цена
и бежит с дороги?

У колодца на гулянке
спрашивать он станет,
а она в ответ ни слова.
Лишь украдкой взглянет.

У него на сердце камень,
под глазами тени.
А подружки все смеются,
что не мил он Цене.

Мать-старушка утешает
горькими словами:
«Не тужи, сыночек милый,
все пройдет с годами.

Цена – дочь людей богатых.
Ей у нас не место.
Был бы ты здоров – найдется
посходней невеста.

Избери, сынок, другую
девушку в подруги,
из такой же, как и наша,
бедняцкой лачуги».

„Друга, мале, как да либя?
Сърце ми е тамо...
Ох, недей ме, остави ме,
мъчно ми е, мамо.“

Ходи, лута се замислен,
нищо го не радва,
младостта му, силата му,
губи се, пропадва.

Иска му се да изкаже
колко той страдае,
да се сърди, да се плаче,
но кому – не знае.

Пред другарите не смее,
бяга от момите...
Една вечер късно среща
Цена под върбите.

Той я фаща за ръката
и смутен попита:
„Що ме, Цено, ти забрави?
Що ми си сърдита?“

Що ме вече не обичаш?
Имот ли че нямам?
Зарад тебе, Цено мила,
целий свят превземам!

Или имаш друго либе?
Истина ли, Цено?
Та сърцето ти станало
толкова студено?“

„Ох, Камене, фани вяра:
не ти съм сърдита,
Нито друго либе имам, –
на злато съм сита.“

Ами татко ми не дава
с теб да се намеря,
и се люто той заканя, –
всякога треперя!“

«Как мне, мать, любить другую?
сердце ведь упрямо...
Ох, оставь меня, не трогай!
Тяжело мне, мама».

Ходит-бродит с тяжелой думой,
радости не зная.
Даром тает-пропадает
сила молодая.

Рассказать ему б хотелось,
как душа томится,
Он досадует и плачет –
не с кем поделиться?

Он друзьям сказать стыдится,
девчат избегает...
Раз под вербами он Цену
вечером встречает.

За руку ее схвативши,
спрашивает с болью:
«Что глядишь ты так сердито?
Разлюбила, что ли?»

Разлюбила, оттого что
беден я покуда?
Ну, так что ж! Для милой Цены
я весь мир добуду!

Может, ты другого любишь?
Отвечай мне, Цена!
Отчего в твоём такая
сердце перемена?»

«Ох, не злюсь я, милый Камен,
не измена это,
и богатством не горжусь я,
и другого нету.»

Но отец мне запрещает
быть вдвоем с тобою.
Я дрожу, когда грозит он
страшную бедою».

„Какво думаш, Цена? Тъй ли?
Не съм бил измамен!?
Да бягаме с тебе двама!“
Извика млад Камен.

„Да бягаме!“ рече Цена,
с бузи запламентели,
па притисна го до гърди
млади, затуптели.

– „Да бягаме!“ шушне Камен,
зад гори, далеко...
Аз съм юнак, ще те нося,
ти си пиле леко!“

Сгласиха се, заклеха се
и двамата млади:
утре вечер от туй място –
напрек, през ливади...

Де ще идат? Що ще правят
по людска чужбина,
непознати и бездомни,
без свой, без роднина?

Те не мислят, те треперат,
те не питат: дека?
Стига само да са двама,
и далеч от Цека.

Върнаха се за вечеря
смутени, честити,
Цена не смей да погледне
татка си в очите.

Страх я мисъл в сърце му
тя да не възбуди,
в устата си троха хлебец
не можа да гуди!

След вечеря три метана
тя стори и ляга...
Цяла нощ сънува, мисли,
че с Камена бяга.

«Значит, я обманут не был?
Радость моя, чудо! –
воскликает юный Камен. –
Убежим отсюда!»

«Убежим отсюда!» вспыхнув,
Цена прошептала
и к груди, дыша глубоко,
молодца прижала.

«Убежим мы, – шепчет Камен,
за леса, далече...
Сам тебя нести я буду –
ты голубки легче!»

Столковались, обменялись
клятвой, счастью рады:
завтра вечером отсюда –
прямо за левады...

А куда? Что станут делать
в краю незнакомом,
на чужбине одинокой,
без родного дома?

Не о том их думы нынче:
только бы навеки
быть им вместе в тихом месте.
вдалеке от Цеко.

Счастья полные, к вечеру
спешат возвратиться.
И в глаза отцовы Цена
поглядеть боится.

Страшно ей, что вдруг догадка
мысль его встревожит.
Крошку хлеба к алым губкам
поднести не может.

После ужина три раза
в пояс поклонилась
и легла... И до рассвета
все ей бегство снилось.

Утринта премени скъпи
тя скритом прибира,
вечер хладен мудро иде,
сърце ѝ примира.

Тя изглежда за път сетен
тези гори, долини,
дето е минала толкоз
хубави години;

де оставя своята рода
и дружки си драги,
извори, хора, седенки
и спомени благи.

И ѝ се чини, че ги гледа
първи път тогава...
С бащини си дом, огнище
тихом се прощава.

Кога Камен туй обади
на своята майка,
тя набърчи чело старо
и горко завайка:

„Какво казваш ти – да бягаш?
А бре синко, мама!
Ти не знайш ли Цеко кой е?
Че връщане няма?

Ти оставяш мене стара.
Кой ли ще да рачи
да ме гледа? Кога умра
кой ще ме оплачи?“

А пък Камен люто мисли,
Нищо не отвърща,
и сълзи си да не рукнат
той едва преглъща.

Майчини го думи мъчат –
те са прави думи.
И му падат на сърцето
тежки, кат куршуми.

Утром встала и наряды
тайно собирает.
А прохладный вечер медлит...
Сердце замирает.

Смотрит Цена на прощанье
на леса, на доли,
где промчалось беззаботно
столько лет веселых;

где родных она оставит
и подруг чудесных,
хороводы, посиделки,
и мечты, и песни.

Показалось ей, что видит
все она впервые.
И тихонько шепчет Цена:
«Прощайте, родные...»

А когда открылся Камен
матери, – седая,
лоб нахмурила печально,
горько причитая:

«Как – бежать? А мать, сыночек,
сгинет без подмоги?
Разве ты не знаешь Цеко?
Нет назад дороги!

Убежишь – и без присмотра
я останусь, значит.
А умру я одиноко –
кто меня оплачет?»

Да и Каменом раздумья
злые овладели.
Сам он горестные слезы
сдерживает еле.

Слово матери простое,
праведное слово.
Ударяет прямо в сердце
пулю свинцовую.

Мило му е, страшно му е,
съвестта го бори,
кат оногоз, дето иска
убийство да стори.

Но спомни си той за Цена!
Тя го сега чака
под върбите и се чуди
защо той протака!

Тя ще мисли, че той с нея
безбожно играл е,
ил че майка си за нея
Не смей да прежали.

Срам го фана. Той не знаял,
че бил с душа слаба!
Бащин нож втика на пояс
и пушката граба!

– „По тоз час да се намерим
с Цена сме думали!
Дай ръката да целувам,
па прощавай, мале!“

И остави майка мила
и тръгна във мрака,
и пристигна при върбите,
дето тя го чака.

„Да вървим!“ си казаха
двете души верни
и тръгнаха мълчаливо
към горите черни.

* * *

По туй време у Цекови
веселие става:
Халит ага с Пашаджика
Цеко угощава.

Ему грустно, ему страшно,
борется в нем совесть, –
так терзается убийца,
к злодейству готовясь.

Но припомнил тут он Цену.
У верб одиноко
ждет она, дивясь, что Камен
не явился к сроку.

Будет думать, что над ней он
хотел посмеяться,
или с матерью не смеет
для нее расстаться.

От такого малодушья
стыдно ему стало.
Нож отца за пояс сунул
да бойлию взял он.

«В этот час явиться к Цене
дал я обещанье.
Дай же, мама, поцелую
руку на прощанье!»

И оставил мать родную,
и во мраке скрылся,
и под вербами с подругой
рядом появился.

«В путь!», два сердца прошептали,
верные до гроба.
И к чернеющему лесу
направились оба.

* * *

А у Цеко в это время
столы накрывают:
Халит-агу с Пашаджиком
Цеко угощает.

Халит ага – арнаутин,
Цеков стар приятел,
много пакости от него
е светът изпитал.

Доде бил е кърсердарин,
селата пищяли,
кокошките и маслото
за него държали.

Свитата му цяло село
не можело да смести,
в три години трийсет и две
моми обезчести!

Пашаджик – бич на селата
може да се каже:
десет години бил разбойник,
и сега е даже.

Вай, на колко християни
изгори душата!
Всичко, що сбере, плячкоса,
дели го с пашата.

Пушката му е мерила
вързани селяци,
сабята му е рязала
деца пеленаци.

До сто сламника запалил
и два манастиря,
от де минал – прах и пепел
той оставял диря.

Тая вечер са на гости
тука и двоица,
че е Цеко кмет и има
щерка хубавица.

Цековата къща тям е,
като бащиния.
Цена беше ги черпила
със върла ракия.

Халита-ага – арнаут он,
Цеков собутыльник.
Много зла всему народу
причинил насильник.

Сёла все держал он в страхе
в бытность кырсердаром,
кур и масла ему люди
приносили даром.

И спастись от его стражи
никто не был в силе:
тридцать девушек в три года
изверги сгубили!

Пашаджик – бичом села он
откровенно звался:
десять лет ходил в бандитах,
и таким остался.

Погубил он душ немало
собственной рукою.
Всю разбойничью добычу
он делил с пашою.

Его ружье по крестьянам
связанным стреляло,
а кривая сабля деток
малых разрубала.

Две обители, сто хижин
подпалил громила,
прах и пепел оставался
там, где он проходил.

Эта парочка сегодня
здесь проводит ночку:
Цеко – кмет, и есть у Цеко
красавица дочка.

Цеков дом – что дом отцовский
для братии этой.
Цена часто их поила
водкой подогретой.

Веч трапезата раздигат,
гости чакат Цена
да се яви с бял презръчник
и с вода студена,

да им стои „диван-чапраз“,
да им шъта тука,
а на Цеко синовете
пълнят два чибука.

Но не иде! Де е? Тщетно
искат да налучат,
към вратата често гледат
и мустаци сучат.

Втурнаха се ратаите
вътре, като хала,
и викнаха уплашени:
„Цена е бегала!“

„Вай!“ изрева дърти Цеко
и глухо изпъшка,
със кого е тя бегала
сети изведнъжка.

Запалиха фенерите,
къщните се сбраха:
от конете най-бързия
за Цека избраха.

Грозно дърпа той мустаци,
ядно бърби нещо,
па към турци се обърна
и викна зловещо:

– „Халит-ага! Утре Цена
роб ти я дарявам!
Пашаджико! Утре Камен
курбан ти го давам!“

И поведе синове си,
ратаи и шопи...
Той взе пушката на рамо,
а те – дълги сопи.

Вот за стол садятся гости.
Ждут, чтоб вышла Цена
с полотенцем и с водою.
Как обыкновенно.

Чтоб прислуживать им стоя,
опустивши веки...
Чубука два набивают
сыновья для Цеко.

А ее все нет! Где ж Цена?
Думают, гадают.
Усы крутят и на двери
взоры устремляют.

Как буран, внезапно в хату
ворвались слуги.
«Убежала наша Цена!» –
голосят в испуге.

«Ох!» – взревел, стеная, Цеко.
Угадал он мгновенно,
с кем из дому, из неволи
убежала Цена.

Фонари зажгли, сбегаясь,
будто по тревоге.
И оседлан конь для Цеко
самый резвоногий.

Страшно дергает усищи,
что-то злобно буркнул.
И кричит зловеще Цеко,
обернувшись к туркам:

«Халит-ага! Завтра Цена
рабой твоей станет!
Пашаджик! Камена завтра
дам тебе в курбаны!»

И в погоню! Кмет с друзьями,
слуги и два сына.
За плечом ружье у Цеко,
а у тех дубины.

И разбуди се селото,
залаяха псета
в улиците, де премина
потерята с кмета.

* * *

Заранта на връх Балкана,
под буките диви,
Камен с Цена сладко спяха
румени, щастливи.

Те се нежно прегърнали,
от любов упити.
Над главите им запели
славей гласовити.

И високо, до небето,
в таз гора далека,
те забравят труд, неволи
и гнева на Цека.

Шумоли гората чудно
и врабците мали
с гласеца си будят двете
либета заспали.

Цена бърже се озърна
весела и пресна,
видя гора, небе, хубост...
планина чудесна.

„Камене! Къде ще идем?“
тя му тихо рече.
„Не знам, пиле, но да вървим
нейде на далече,

През тез бърда и висове,
там, де слънце зайде,
дето никога баща ти
не ще да ни наиде;

Все село проснулось. Громко
лают псы, ржут кони –
там, где улицей промчалась
с гиканьем погоня.

* * *

Ранним утром на Балканах,
на крутой вершине,
спят под буком Камен с Ценой.
Счастливые ныне.

Обнялись они сердечно
в сладком упоенье.
Соловьиное над ними
раздается пенье.

Высоко под небесами,
в гуще леса, оба
позабыли все заботы,
Цеков гнев и злобу.

Лес густой шумит над ними.
Птички, рея в чаще,
перекличкой своей будят
двух влюбленных спящих.

Цена быстро оглянулась,
свежестью сияя.
Видит небо, лес чудесный...
И горы без края.

«Камен, – спрашивает Цена. –
Куда же пойдём мы?» –
«Я не знаю, дорогая.
Лишь бы вдаль от дома.

За хребты, туда, где солнце
прячется за горы.
Где найти нас не сумеют
Цеко злые взоры.

дето нашта любов няма
никого да сърди,
та там, Цено, да откъсна
на твоите гърди.”

„Я чуй, Камене, там глъчка!
Гаче конски тропот!“
„Потеря е!“ викна Камен
и грабна вързопът.

И фукнаха през гората,
като сърни диви,
гъсталаци ги не спират,
ни урви ронливи.

Любовта ги окрилява
и страхът ги тласка...
И потерята отдира
шуми, вика, кряска.

Ала Цена от бяг, умор
на сила се влачи,
ту назади се обръща,
ту кат дете плаче...

Екна плачът на сърце му!
Но тук се не чака!
Тоз плач даде нова сила
на снага му яка:

с лява ръка той вързоп
и пушката взе си,
с дясна – либето през кръста
грабна и понесе.

И пак бяга и пак тича
с товара си скъпи,
лицето му, снагата му
пот горещ ги къпи.

А потерята наваля,
трепери букакът,
Цеко лети, като бесен
и реве да чакат.

Где любовь не вызывает
ненависть такую.
Где с тобою рядом, Цена,
отдохнуть смогу я».

«Камен, слышишь? Шум какой-то!
Словно конский топот!».
«То погоня!» вскрикнул Камен
И Цену торопит.

И бегут они по лесу –
пара серн пугливых, –
через заросли густые,
крутые обрывы.

Лютый страх их подгоняет,
любовь окрыляет,
а погоня с диким воем
мчится, настигает.

Скоро трудно стало Цене –
нет у ней силенок.
Озираясь поминутно,
плачет, как ребенок.

От рыданий этих сердце
у него заныло.
Медлитель нечего! Плач Цены
новые дал силы.

Держа узел и винтовку
левою рукою,
правой милую он поднял
и понес с собою.

С этой ношей драгоценной
бежит он, спешит он;
все лицо горячим потом
у него залито.

А погоня настигает,
и дрожит дуброва.
Цеко бешено несется...
«Стой!» кричит он с ревом.

Камен спря, погледна Цена
и тихо сложи я,
вдигна пушката и рече:
„Ще да го убия!“

„Недей, либе! Татко ми е!“
Пушката изпука.
„Бягай, бягай, отърви се!
Аз ще умра тука!“

„Постой, вещице проклета!
Де го, де го оня?“
викна Цеко лют, запенен
и скокна от коня.

„Чакай сега да ти кажа,
дъще поразена!
Ази дойдох със сватбари
тука да те жена!“

Той налетя въз щерка си,
руса ѝ коса дърпа,
тънка ѝ снага с бича удря,
на гърди ѝ стъпа.

„Де го сега бунтовникът?
Гонете го, дръжте!
А ти хайде назад дома,
хайде, вярна дъще!“

Там ви чака и двама ви
сватба и венчило:
тебе турско ратакинство,
мъжът ти бесило!“

И кмет Цеко пак възседна,
бодна гневно коня
и пред себе разплакана
Цена с бич подгоня.

След ден той я в град изпрати
да слуша Халита,
и писмо, че Камен ходи
по гори комита.

Положив на землю Цену,
Камен встал бледнея;
вскинул ружье и молвил:
«Я убью злодея!»

«О, не надо! Он отец мне!»
Грянул залп мгновенно.
«Убегай! А я умру здесь»,
прошептала Цена.

«Погоди ты, ведьма! Где ж он?»
Цеко злобно крикнул,
осадил коня с разбега
и на землю спрыгнул.

«Потолкую я с тобою,
доченька-блудница!
Сватов я привел – со свадьбой.
Надо торопиться!»

Налетел отец на дочку.
Косу рвет руками,
бьет бичом ее по телу,
топчет грудь ногами.

«Где же, где мятежник этот?
Задержать злодея!
А ты, праведная дочка,
прочь домой живее!»

Там венчанье вам и волю
припасут не хуже:
рабство для тебя у турок
и петлю для мужа».

Сел в седло с проклятьем Цеко,
и, коня пришпоря,
он погнал перед собою
дочь в слезах и горе.

Через день ее отправил
он служить Халиту.
И донес, что Камен бродит
по горам комитом.

И тъй Цеко зли прокуди
тез души, що любят,
да се скитат, да се мъчат,
доде се погубят.

Скоро село потрепера
от хабер злосмутен:
Цена станала туркиня,
а Камен хайдутин.

* * *

Зажалиха селяните,
и млади и стари,
момите ги, всичките,
зла слана попари.

Окаяха горко Цена
и съдба й клета,
окаяха, па простиха,
и проклеха кмета.

И за Камена жалее
дружина му млада;
тъжи старата му майка,
тъжи и пропада.

Не понесе в старини си
тоз срам, тез теглила,
да й рекат людски хора:
„Хайдутин родила.“

И умря тя, и заглъхна
къщата й вета;
намразиха още повеч
селяните кмета.

„В Цека бяс влезнал е“, думат
старците изкусни, –
за греха му Бог въз нази
огън ще да пусне.“

Так влюбленных разделила
Цеко воля злая.
Чтоб – покуда не погибни –
скитались, страдая.

Вскоре слух прошел зловещий
по хатам смятенным,
что разбойником стал Камен
и турчанкой – Цена.

* * *

Закручинились сельчане,
скорбь их охватила;
молодых и старых будто
громом поразило.

Цены горькую судьбину
долго обсуждали;
соболезнуя, простили,
а отца – прокляли.

Да и Камена жалеют
парни молодые.
Мать горюет и склоняет
волосы седые.

Не стерпела ее старость
стыда, чтоб открыто
всюду люди говорили:
«Родила бандита».

Умерла она, и глухо
стало в хатке ветхой.
Пуще прежнего сельчане
ненавидят кмета.

«В Цеко бес живет, – толкуют
мудрецы седые. –
Бог огонь нам не послал бы
за грехи такие».

Три месеца дъжд не капна,
стана страшна суша,
в черковата, по кръчмите
глух ропот се слуша.

Всуе дважди по полето
на литий изскачат
и залени пеперуди
в улиците скачат.

Слънце пали. Никой облак
по небе не бега,
сеитбите изгори ги
тая люта жега.

Води, реки пресъхнаха,
жито се не мели;
ето вече булгур само
ядат две недели!

Всички казват: глад ще стане,
скъпия голяма.
А от небе капка влажна
няма се, та няма.

Мръщат се, поглеждат криво
селяните Цека,
И поп Михо, кат се кръсти,
казва им полека:

„Не е край: таз поразия
Цеко я довлече:
тоя човек чедото си
на дявола врече.

Той с поганци яде, пие
и със тях братува,
всички теглим, нази мъчат –
той само добрува.

Покрай него всички ние
ще умреме гладни,
суша да не бе станала,
град щеше да падне!“

За три месеца – ни капли,
о дожде ни слуха.
По церквам и по харчевням
люди ропщут глухо.

После двух молебнов в поле
жара не стихает;
даром ряженые ходят,
солнце заклинают.

Нет ни тучки в небе, скрытом
душной пеленою.
И сгорели все посевы
от лютого зноя.

Ручьи, речки пересохли,
мельницы не мелют.
Все одной крупой пшенной
живут две недели.

Говорят, что будет голод.
Все уж дорожает,
а ни капли влаги небо
им не посылает.

Зло глядят на Цеко люди.
И священник Михо,
торопясь перекреститься,
говорит им тихо:

«Будет хуже! Навел Цеко
бедствие такое.
В лапы дьяволу он отдал
детище родное.

Он с погаными пирует,
с ними пьет, гуляет.
Только он один доволен.
А народ страдает.

Рядом с кметом – все погибнем
и умрем от глада.
Засуха бы не случилась –
дождались бы града».

Злоба дига, дето мине
Цеко и се мерне,
неща страшни си нашепват
баби суеверни.

Едни казват, че той блажал
с турците през пости,
други думат, че му ходят
дяволи на гости.

Змия да бе, те я биха
с камъни пребили,
вещица да беше, жива
би я изгорили.

Ала Цеку що да сторят?
Те са всички слаби...
Той е силен и със турци
бий, мъчи и граби.

Свикаха се селяните
в кръчмата на Желя –
това беше после отпуск,
във света неделя...

Беше там поп Михо стари
със своите ближни,
Тимо Стамболлият, още
Анто стогодишни,

Старец в книгите изкусен,
(по-учен от попът:
и днес всички за съвети
на врата му хлопат);

още – Ангел Двата Гласа,
питроп и старея,
даскал Куздо, псалт черковен,
бил при Доротея;

там бе още Видул Влахът,
пристигнал от скоро,
Кузман Колин и до него –
Ганчо Зеленгоро.

И везде срещают Цеко
с злобой беспримерной.
О неслыханном толкуют
бабы суеверно:

«В пост он с турками скоромным
обжирался вроде»;
говорят другие – к Цеко
черти в гости ходят.

«То змея была б – камнями
мы б ее побили;
ведьма то была б – живую
мы б ее спалили».

А что может сделать кмету
нищий люд и слабый?
За ним сила, за ним турки –
мучают и грабят.

Собрались селяне как-то
в кабаке у Желя.
После поста это было,
на святой неделе.

Отец Михо был с друзьями
близкими в харчевне.
Был там Тимо Стамболия,
Анто – старец древний,

читарь, всех попов ученых
(и по той причине
за советами стучатся
все к нему поныне);

еще – Ангел Два-Голоса,
питроп поседевший.
Куздо был, при Доротее
на клиросе певший;

был еще там Валах Видул
(новый житель здесь он),
Кузьма Колин был, пришедший
с Ганчо Зелен-Лесом.

Здрав юнак, висок та жилист,
със гърди космати.
Силата му, храбростта му
де не са познати?

С дясна ръка мигом свая
четирима мъже,
пушката му далеч бие,
никога не лъже.

Казват, че той друг път ходял
с Минча воевода,
всички планини познавал,
живял на свобода;

и, че лани по Петровден,
тамо в кукуруза,
(Между нас да си остане) –
заклал Кьор-Юнуза!

Направиха съвет таен,
мислиха, кроиха,
ум и сговор не им липса –
и скоро решиха.

На заранта, преди слънце,
попът се затече
под мишницата с патрахиля
и с старото светче.

Де отива толкоз рано?
При болни ли Дима,
да му чете зарад здраве?
Или смъртник има?

Или вода да светява
със ниски поклони?
Или бродници отнейде
с молитва да гони?

Не, той нийде не отби се,
нищо не продума:
на полето той излезна
и спря се при друма.

Удалец с косматой грудью,
да и ростом вышел.
О его делах и силе
кто кругом не слышал!

Четверых рукою правой
с ног он свалит сразу,
бьет ружье его далеко.
Словно по заказу.

Говорят, служил он даже
Минчо-воеводе,
горы все ему знакомы.
Пожил на свободе.

Говорят, что он в Петров день
там вон, в кукурузе
(да останется меж нами),
убил Кер-Юнуза.

На совете этом тайном
судили, рядили, –
ум и лад у них в избытке –
и дело решили...

Рано утром, до восхода,
поп – с епитрахилью
и с молитвенником старым –
шагает по пыли.

Подняла его какая
в эту рань забота?
Петь за здравие больному?
Или умер кто-то?

Освятить с поклоном воду?
Или божьим словом
из какого-нибудь места
выгнать духа злого?

Нет, в далекий путь священник
вовсе не пустился:
выйдя в поле, у дороги
он остановился.

И застана срещу изток,
в земя кол побива,
метна на врат патрахиля,
светчето открива.

И зачете глухо попът,
брада му трепери...
Молитва ли, клетва ли бе –
той се начумери.

И отстъпи от колеца,
наведе се леко,
камък взе, фърли и рече:
„Проклет да е Цеко!“

От тогава край туй място
кой мине, замине,
се същите думи казва,
се същото чини.

Пътник ли, овчар ли някой
минува из друма,
като хвърли камъка си,
„Проклет да е!“ дума.

И орачът, като кара
волове на нива,
наведе се, хвърли, каже
и пак си отива.

И децата също правят,
тамо кат се щурят,
и жените въз камъните
камъни притурят.

Че клетвата стига оня,
„Проклет!“ кой не каже.
Някой камъка си носи
отдалеко даже!

Подир три дни при колчето
купчинка стори се
и неделя йощ не стана
она удвои се.

Обратясь лицом к востоку,
в землю кол вбивает,
надевает облаченье,
книгу раскрывает.

Глухо поп читает что-то,
тряся бородою...
То молитва иль проклятье –
мрачен он собою.

Отошел он, поклонился.
Схватил камень цепко
и швырнул его, воскликнув:
«Будь ты проклят, Цеко!»

С той поры, кто ни проходит
этими местами,
то же слово произносит
и бросает камень.

Будь пастух то, будь то странник,
человек прохожий, –
бросив камень, «Будь он проклят!»
воскликает тоже.

И, волов ведя на ниву,
селянин убогий
наклонится, бросит, скажет
и дальше – дорогой.

Это делают и дети,
в том месте гуляя,
и женщины камни тоже
к камням прибавляют.

Ибо будет проклят тот, кто
«Будь проклят!» не скажет.
Камни люди издалека
приносили даже.

С каждым днем гора все больше
камней вырастала;
не прошло недели – груда
вдвое выше стала.

Подир месец бе висока
колкото камила,
още месец – купчинката
стана веч могила.

И грамадата от себе
мърда и порасва,
и пътникът отдалеко
веч я съпикасва.

Тя расте, като по чудо,
сама, като жива!
Убоя се Цековата
душа нечестива.

И да спре не може Цеко
ни с псувни, ни с глуми
таз грамада да не расте
със страшните думи.

Деня та е се в ума му,
нощя я бълнува,
и трясъка от камъните
в съня си той чува.

Понякога тайна сила
към тамо го тика.
Той я види, тръпне, гаче
тя на съд го вика.

Гаче всякой камък има
уста, уши, очи,
и му дума: „Проклет! Проклет!“
и към него сочи.

И той бяга потен, тръпен...
На душа му грешна
мир и радост веч не дава
грамадата страшна.

Той стопи се. Лицето му
бледнина покри го:
гаче болест зла, невярна
Цека изсуши го.

И растет она все выше,
поднимаясь, ширясь.
Еще месяц – на том месте
холм высокий вырос.

И сама собой громада
растет, шевелится;
ей уже случайный путник
издали дивится.

А она как будто чудом
растет, как живая.
Содрогнулась у Цеко
душа его злая.

Он сдержать не в силах бранью,
насмешливым взглядом,
или грозными словами
страшный рост громады.

Днем о ней он вспоминает,
бредит ею ночью.
Слышит он во сне, как страшно
град камней грохочет.

Подчиняясь тайной силе,
он идет к громаде,
и стоит, как подсудимый,
на громаду глядя.

Словно камни те имеют
уста, уши, зренье.
И кричат ему: «Ты проклят!»
и глядят с презреньем.

И бежит он прочь, объятый
страхом и тоскою...
Не даст уже громада
грешнику покоя.

Похудел он. Его щеки
бледность сплошь покрывала:
будто лютою болезнью
Цеко иссушило.

И престаха селяните
с него да се сбират,
нито взимат, нито дават –
всички го презират.

В черковата, дето стъпи –
отстъпват от него,
и родът му същи даже
отблъсква, не ще го.

Гневът божи и той падна
на Цекова стряха:
бедите го, злините го
бързо сполетяха.

И смъртта в дома му първен
зафана да теби:
В малко дни едно по друго
три сина погребете!

Гори пожар изгори ги,
нивите му – слънце,
в житниците му не влезе
жито нито зрънце.

Стоката му, стадата му
болест ги изтръшка,
къщата му по полунощ
пламна изведнъжка!

И стана на пепел всичко:
имот, стока, злато,
богатството му разлетя се,
гаче бе крилато.

А грамадата расте пак
невидимо, тайно,
и камъни върху нея
фърчат непрестайно;

Че когото Бог накаже,
светът не прощава,
че кой много търпи, тегли,
много отмъщава.

* * *

И село с ним оборвало
всякое общенье.
У крестьян найти он может
лишь одно презренье.

В церковь он войдет – селяне
спешат отдалиться:
даже и родня не хочет
больше с ним водиться.

Божий гнев от кровли Цеко
отвести не властен:
Быстро же его настигли
беды и несчастья!

Смерть назойливою гостьей
к Цеко зачастила:
друг за дружкой три сына
улеглись в могилу.

Нивы его солнце выжгло,
лес сожжен пожаром,
ни зерна не положил он
в пустые амбары.

Стада мором поразило.
Сгибла вся скотина.
Дом его однажды ночью
вспыхнул без причины.

Прахом все пошло, достаток
словно ветром сдуло.
Будто Цеково богатство
крыльями взмахнуло.

А громада вырастает
тайно и незримо,
и бросают люди камни,
не проходят мимо.

Потому что злодеянья
народ не прощает:
долго мучается, терпит.
Но грозно отмъщает!

* * *

Мисли, мисли дълго Цеко,
търка си челото,
па скокна, във град отиде,
набеди селото,

че то уж прибра скритом
всяка нощ комити,
че във него пушки имат
дори и момите.

„Бре, викна свиреп пашата,
тук ги доведе,
и по-скоро бесилници
за тях издигнете!“

Затърчаха към селото
люти заптиета,
да ловят и трепят, дето
им посочикмета.

И дигна се олелия,
ревнаха децата.
Турци с щикове и пушки
ходят по къщята.

Извързаха, подкараха
мъже, моми слаби...
Майки плачат и се молят,
кълнат стари баби.

На поп Миха удариха
по нозе сто бича
и го погнаха пред всички
кървав, бос да тича.

Зарадва се Цеко много,
че със тез джелати
за тъмница и бесило
толкоз душ изпрати.

Изплаши се цяло село!
Зло настана време!
Кой знай, може да дочакат
злини по-големи;

Долго, долго думал Цеко.
Качал головою,
вдруг сорвался и помчался
в город – с клеветою:

будто что ни ночь, комитов
люди принимают.
Что оружие прячет даже
девушка любая.

«Как! – паша свирепый крикнул –
Всех сюда доставить!
И быстрее как можно больше
виселиц поставить!».

Понеслись к селу заптие,
злостью разогреты,
чтоб хватать кого попало
по указке кмета.

Детским плачем, громким стоном
все село объято.
Турки с острыми ножами
врываються в хаты.

Повязали и погнали
взрослых, юных, слабых...
Шепчут матери молитвы,
шлют проклятья бабы.

Отцу Михо батогами
сто ударов дали
и, всего в крови, босого,
впереди погнали.

Торжествует Цеко: рад он
палачей подмоге,
что в петлю и за решетку
он отправил многих.

Все село в тревоге. Время
смутное настало.
Никогда еще страшнее
бедствий не бывало.

че недалеч, зад горите,
две царства се бият:
зло е, турци ако паднат,
зло, ако надвият!

Страшни слухове достигат,
всичките треперят.
Дума се, че тамо трепат
де кого намерят;

че де стъпяля нога им,
светът пропищява:
черкови, села, градища –
всичко пепел става!

И че и за тяхно село
ред скоро ще доде:
люти Пашаджик въз него
двеста души води,

Двеста души арнаути
и голи черкези...
Никой не смей по работа
навън да излезе.

Само Цеко весел бива
и страх не усеща:
Пашаджика с четата му
готови се да среща,

Че го Пашаджик обича,
Цеко нему свой е.
„Нека всички да познаят
сега Цеко кой е!“

И се готви той селото
самси да запали.
Изведнъж се вест разнесе:
„турците бегали!“

„Турците бегали!“ казват
майки на децата;
„турците бегали!“ дума
синът на бащата.

Недалеко за лесами
две державы бьются:
хоть и дышат злобой турки,
братья не сдадутся.

В дрожь ужасные вгоняют
слухи-разговоры.
Говорят, что убивают
всюду, без разбора.

Где ни ступят – вопль народный.
страшно там и голо:
обратились в пепел церкви,
города и села.

Говорят, что это лихо
объявилось рядом:
Пашаджик прошел недавно
со своим отрядом,

С шайкой в двести арнаутов
и черкесов рваных...
Все попрятались, пугаясь
напастей неожиданных.

Только Цеко веселится,
страх ему неведом:
он собрался Пашаджика
поздравлять с победой,

Потому что нет роднее
ему человека.
«Ну, держитесь! Все узнают,
кто такой есть Цеко!»

Видит он уже, как лично
все село запалит.
Но внезапно вест промчалась:
«турки побежали!»

«Побежали турки!» – деток
мать оповещает.
«Побежали!» – сын с волнением
отца поздравляет.

„Турците бегали!“ всички
викат и разгласят;
из дом в дом, из хижа в кръчма
тая вест разнасят.

Чу се, че казаки идат,
не били далеко...
Усмихна се цяло село
и побледня Цеко.

Развълнува се селото,
клепало удари,
събраха се в двор черковни
и млади и стари.

Допитват се как да срещнат
тия драги гости,
и чудят се и не знаят, –
че са хора прости.

Сетиха се, повикаха
и дядо Антона,
че е стар човек и мъдър
като Соломона;

че знай книга и тълкува
календаря вечни;
много патил и ходил е
по земи далечни.

Кога той яви се, всички
на крака станаха,
и пред белите му власи
с почит замълчаха.

„Чада! – рече мъдрий старец
с очи насълзени.
Нека Бога благодарим
всички на колене.

Тая милост е велика,
Господ ни я праща!
Честит бил и дядо Анто
руси пак да сряща.

«Побежали турки!» – всюду
слышен громкий говор.
Вест доносится от дома
до дома другого.

Говорят, уже казаки
совсем близко где-то.
Все сияют, побледнели
щеки лишь у кмета.

Стар и млад разволновались,
вон уж бьют в клепало.
Все село во двор церковный
собираться стало.

Как, мол, быть, когда придут
гости дорогие?
И не знают, что казаки –
люди-то простые.

Спохватились и позвали
дедушку Антона.
Потому что в этом старце –
мудрость Соломона.

Знает книгу он и вечный
календарь толкует.
В страны дальние ходил он,
жизнь прожил большую.

Появился он – и люди
с уваженьем встали
и его сединам молча
должное воздали.

«Дети! – молвил мудрый старец,
прослезясь в волнении –
Господа благодарите,
ставши на колени.

Бог послал нам эту милость,
счастья нет иного.
Счастлив дед Анто, что дожил
русских встретить снова!

Сто години що сънувах,
днес видях наяве:
Дядо Иван от поганци
с калъч ни избавя.

Туй време благочестиво
чакаме отдавна:
Русите са наши братя,
вяра православна.

Хайде сега да ги срещнем
хляб и сол вземете,
аз ще поднеса, а вие
шапките свалете.

Моми венци да прикачат,
на техните пушки,
та па всички да викате:
«Здравствуйте, братушки!»

Тъй сме Дибича срещали,
тъй хората чинат...
Пригответе йоще нещо
да хапнат, да пинат...»

Видя Цеко срещачите,
че тръгнаха дружно,
и душа му потрепера
гузно, малодушно.

Не смя в тоз куп шумен себе
Цеко да приложи:
народната обща радост
да дели не може.

Чуди се и май се Цеко,
съвестта гризе го;
да стои ли, да бяга ли –
що ще стане с него?

Мисли, мисли и най-после
страхът го попари;
и към другий край уплашен
той на бяг удари.

То, о чем сто лет мечталось,
ныне вижу въяве:
Дед Иван нас от поганых
саблею избавил.

Ныне час настал свершиться
ожиданьям давним:
люди русские – нам братья,
веры православной.

Так пойдем же им навстречу!
Хлеб и соль возьмите,
поднесу я, а вы шапки
с головы снимите.

Пусть их ружья украшают
девушки венками.
«Братья, здравствуйте!», кричите
радостно вы сами.

Так мы Дибича встречали,
так встречают русских.
Да побольше приготовьте
вина и закуски..»

И услышал Цеко этот
гул толпы счастливой,
и дрожит его душонка,
съежилась трусливо.

И не смеет он со всеми
радоваться тоже
и народное веселье
разделить не может.

И грызет тревога Цеко.
Совесть сердце ранит:
оставаться ли, бежать ли –
что теперь с ним станет?

Думал, думал и, расплаты
приближенье чуя,
побежал, объятый страхом,
в сторону другую.

Той търчи, задъхан, бледен,
гологлав и рошав,
гаче бяга в страх пред някой
звяр невидим, лошав.

Призраци ужасно, черни
вред му се изпречват,
и храстите оживяват
пътя му препречват.

Но внезапно той се спира,
нов го страх напада:
той видя, че бил достигнал
бялата грамада.

Крака му се подкосяват,
той назад се дръпа...
Но навред е страшно, грозно,
по жарава стъпа.

А пък миговете фъркат,
бедата пристига...
Ето, че на сред селото
облак прах се дига.

И сулици, коне, хора,
и шапки червени,
и удари към гората,
нейде да се дене.

* * *

Из селото вест се пръсна,
че кмета бегал е,
и че сметка на сюрмаси
да даде не щял е.

„Дръжте, бре! Да фанем Цека!
Дръжте този поразник!“
Много гласове екнаха
сред общия празник.

И потеря устрои се,
се отбор юнаци,
и жар войнствен се събуди
в тихите селяци.

И, едва дыша, без шапки,
удирает, както
по пятам за ним какой-то
зверь несется лютой.

Всюду призраки, чернея,
встали, – как их много!
И кустарник оживает,
преградив дорогу.

И застил он вдруг на месте.
Не поднимет взгляда:
Перед ним возникла грозно
белая громада.

Подгибаются колени...
Прочь... И снова замер:
все равно горит повсюду
земля под ногами!

Миг за мигом пролетает,
беда навалилась...
Вон в самом селе уж туча
пыли закружилась.

Шапки красные мелькают.
Кони, люди мчатся.
Выстрелы гремят у леса, –
некуда деваться!

* * *

А молва уже разносит
весть о бегстве кмета:
он бежал, пред беднотою
устрасясь ответа!

«Схватить Цеко! Чтоб не спасся
изверг нечестивый!» –
среди праздничного гула
раздались призывы.

Собралось в погоню много
удальцов отборных.
Пыл воинственный проснулся
у крестьян покорных.

Един махат сопи, други
пушки, други вили,
дядо Анто със кросното
четата засили.

И фукнаха за да стигнат
из гората Цека.
Подир малко го сгасиха
на една пътека.

„Издаднику! Поганецо!
дядо Анто вика,
обесете този Юда,
на тая борика!“

„Не! – извика Зеленгоро –
В яма да го фърлим!“
„Не! – друг рече – кожата му
с плява да напълним!“

„Не! С катран да го намажем! –
тъй, отвърна пети, –
тая вечер на хорото
той ще да ни свети!“

И очи им пушат пламен
въз нещастни Цека,
всяка смърт за тоз изедник
види им се лека.

Изведнъжка тропот чу се.
Дружината млъкна...
Друга чета от бърдото
с шум пред тях изпъкна.

„Стойте! Жив го оставете!
Видиш ли ме, дядо?“
Викна Камен и спусна се
с едно булче младо.

„Камен! Цена! всички викат,
не вярват очи си!
Камене, от дека идеш?
Цено, нали ти си?“

Кто дубины взял, кто ружья.
Вытащили вилы,
а дед Анто дал им кросно,
чтоб вернее было.

В лес отправились за Цеко
дружно, без заминки.
И настигли его скоро
на лесной тропинке.

«Негодяй! – кричит дед Анто.
Кровопийца черный!
Тут же этого Иуду
на сосне мы вздернем!»

«Нет! – крик слышен Зелен-Леса –
в пропасть его кинем!» –
«Нет, давайте его шкуру
мы набьем мякиной!»

«Нет, обмажем его дегтем, –
кто-то тут заметил –
пусть во время хоровада
ночью нам посветит!»

Взоры их воспламенила
первая победа.
Легкой кажется любая
смерть для мироеда.

Вдруг раздался конский топот
нового отряда.
Он, с горы спустившись с шумом,
очутился рядом.

«Стой! Живым его оставьте!
Дедушка, взгляни же!» –
крикнул Камен, с молодежи
подходя поближе.

«Камен! Цена! » – закричали,
взорам веры нету.
«Ты откуда взялся, Камен?
Цена, ты ли это?»

И се стискат и целуват,
и от радост плачат,
и от Цена фереджето
по-скоро съблагчат.

„Братя! Ей мойта невеста! –
Пак се живи сбрахме!
Туй са моите момчета:
днес я отървахме.

Халит-ага в пъкъл пратих;
но той не бе първи...
С мъст душата си наситих
и ножа си с кърви.

А тогова да оставим, –
нека жив да бъде.
Нашта радост да го мъчи,
Господ да го съди!“

И тръгнаха двете чети
с песни, вик назади,
та сватбата да празнуват
на двамата млади.

* * *

От тогава веч минуват
месеци, години,
много случки и преврати
видяха очи ни.

А грамадата расте се
неусетно, тайно
и камънте върху нея
фърчат непрестайно.

Че сюрмашки сълзи клетки
лесно не изсъхват,
злите спомени в душата
скоро не заглъхват...

И пошли тут поцелуи,
слезы и объяття.
С Цены снять спешат скорее
турецкое платье.

«Братья! Вот моя невеста.
Вновь я рядом с Ценой!
Мы ее сегодня только
вырвали из плена.

В пекло сбросил я Халита...
И с другими вместе...
Нож я свой насытил кровью,
душу свою – мезтью.

А вот этого оставим, –
пусть живым он будет,
чтоб терзаться нашим счастьем.
Пусть Бог его судит!»

И пошли назад отряды
с песней громовой,
чтоб сыграть скорее свадьбу
Камена-героя.

* * *

Много месяцев оттоле
и лет миновало,
и глаза мои событий
видели немало.

А громада непрерывно
все растет незримо,
и бросает камень всякий,
кто проходит мимо.

Ведь не так-то скоро слезы
бедняцкие сохнут,
а в душе воспоминанья
тяжкие не глохнут...

„Предмет на тази поема е един оригинален народен обичай в Берковско, един вид нравствен линч, чрез който селяните наказваха в турско време ония свои съселяни, потисници или влиятелни изедници, на които бяха безсилни инак да си отмъстят“.

(Сюжет этой поемы является оригинальный народный обычай в районах вокруг Берковица - своего рода нравственное линчевание, которое местные крестьяне использовали в турецкое время против тех своих односельчан, которые вместе с турецкими властями их притесняли; которым не могли отомстить другим образом).